

Джулия Ливай

**Не моя
сторона**

12+

Джулия Ливай

Не моя сторона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66566786

SelfPub; 2021

Аннотация

“Уважаемые пассажиры, занимайте обе стороны эскалатора!”
– такая обыденная фраза. Но не для героя этого рассказа...

Джулия Ливай

Не моя сторона

– Уважаемые пассажиры, занимайте обе стороны эскалатора!

Почему, чем старше я становлюсь, тем чаще колет в сердце от этой привычной фразы? Почему сжимает горло, и сам я должен изо всех сил опереться на поручень, чтобы не упасть на этот самый эскалатор. И тогда я уж точно займу обе его стороны. Но вряд ли это имеет ввиду голос из усилителя.

Когда я впервые по-настоящему услышал эти слова? Если не считать тех тысяч раз, когда они вклинивалась в мой сонный разум. Утром, по дороге на учёбу. А потом, спустя годы, на работу. Или вечером, дополняя своей обыденностью мой серый день, до самых краёв наполненный усталостью. И пустотой. И бессмысленным бегом по кругу.

"Занимайте обе стороны...", – рефреном звучало у меня в мозгу всю мою длинную хлопотную жизнь. И я послушно занимал: Место за партой в школе. Потом в институте. Потом за столом на работе. Занимал собой место сына. Потом жениха. Потом мужа и отца. И место хорошего приятеля в компании. И спокойного, неконфликтного соседа. И добропорядочного гражданина. И даже место на доске почёта.

Я занимал, заполнял собой пустоту этих мест. Потому что, если бы не занял, то они так и остались бы пустыми. Или

просто мне хотелось так думать?

Но были ещё места, которые у меня так никогда и не случилось занять. Место знаменитого путешественника, например. Или хотя бы даже не знаменитого, а просто.... А ведь когда-то в детстве, кажется, в позапрошлой жизни ещё, мечтал.

Или место бунтаря, революционера, эдакого Робин Гуда, который вступает за слабых и восстанавливает справедливость в этом жестоком мире. Это место у меня тоже не получилось занять. Хотя однажды пробовал, правда! Когда в старших классах все дружно травили новенького, тихоно-очкарика, я попытался заступиться. Но Стас, заводила и будущий уголовник, тихо резанул в самое нутро: "Хочешь на его место?". И я понял сразу – и на всю жизнь – что Робин Гудом мне не быть.

И место учёного занять не получилось. Для этого надо было слишком долго учиться. И долго делать неблагодарную работу за мизерную зарплату. И никто не гарантировал, что когда-нибудь, потом, слава ко мне придёт.

И я предпочёл пойти учиться на бухгалтера. Ведь они всегда нужны, и даже в самые смутные времена, до которых тогда было уже не далеко, не останутся без куска хлеба с маслом. Да и родственники в один голос уговаривали...

Нет, это неплохая работа, и делаю я её тоже неплохо. Только почему тогда тянет под ложечкой каждый раз, когда кто-то другой изобретает новый двигатель, или работа, или ле-

карство от рака?

Где они, те места, которые я не занял? Зияют ли они тоскливой пустотой в этом мире, или ждут меня там, по ту сторону бытия?

Я давно живу с этой пустотой. Я свыкся с ней. Да и к чему ни привыкнешь за шесть с лишним десятков лет? И даже уже почти не болит где-то глубоко в груди, когда смотрю на звёзды. Да и часто ли увидишь звёзды в огромном городе?

Но одно из них – этих, незанятых мною, мест – не отпускает...

Я, тогда ещё студент третьего курса моего, родителями выбранного, института, сонный после ночной подготовки к экзамену, стоял на эскалаторе метро, уже почти опаздывая. И, как и все вокруг, гадал, успею или нет к следующему поезду. Тогда я ещё мог побежать через две ступеньки, если торопился. Но народу вокруг было много. И даже идти, а, тем более, бежать, никак не получалось. И я стоял, досадуя, что опаздываю. И одновременно повторяя про себя последние страницы конспекта.

– Уважаемые пассажиры, занимайте обе стороны эскалатора!

Голос из громкоговорителя вывел меня из сонного оцепенения. Вернее, даже не голос, а то, что за ним последовало.

– Вы не против, если я займу сторону рядом с вами? – поддразнил меня насмешливый юный голосок.

И девушка, не дождавшись моего ответа, встала на ступеньку рядом со мной, лукаво глядя из-под кудрявой чёлки.

– Вы же слышали, нас попросили занять обе стороны эскалатора.

Она смеялась не только чуть неправильным, но таким очаровательным ртом. Но каждой клеточкой своего юного задорного существа. И как это у неё получалось – найти смешное в такой банальной и заурядной фразе?

Нечаянная попутчица поразила меня сразу – и бесповоротно. Она словно засунула свою тонкую, но сильную руку мне в грудь и пощекотала самое сердце. И оно, сонное до этого всю мою жизнь, вдруг забилось по-новому, сильно и трепетно. Вдруг ярче стали тусклые краски серого суматошного утра вокруг. И светлее лица людей, спешащих куда-то в толчее. И звонче голос из громкоговорителя.

Мы ехали вниз, почти вплотную, казалось, целую вечность. А я стоял и думал, почему её волосы пахнут шоколадом? А когда сходили с эскалатора, я рванулся было на автомате навстречу закрывающимся дверям туго набитого вагона. Но вдруг остановился, спиной почувствовав её взгляд. И насмешливый голос осадил меня, как неразумного жеребёнка:

– Зачем бежать не в свой вагон?

Как я не понял тогда, что мягкими губами двадцатилетней

девочки со мной говорила сама жизнь?

Да, конечно, я попросил у неё телефон. Я не был отчаянно смелым и самоуверенным никогда. Но в ту благодатную пору, когда молодая кровь заглушала хоть иногда бурчание рационализма, я ещё отваживался на такие поступки.

Экзамен я в тот день сдал, как всегда, неплохо, хотя и не блестяще. Да и делал ли я что-то блестяще в жизни? А потом позвонил ей. И мы встретились. И долго-долго гуляли по Москве. И я не узнавал родной город: таким новым, красочным и одновременно таинственным он мне казался.

А потом были две недели счастья. Ведь это так много – целые две недели счастья на одну жизнь!

Мы встречались каждый день. Я как-то успевал в перерывах между лекциями делать домашнее задание. И даже пару раз не пошёл на занятия. И это я – такой прилежный студент, не пропустивший ни одной пары, и не проваливший ни одного экзамена!

Я как будто чувствовал, что это невозможное счастье – не навсегда. Что оно просто выпало мне, как главный приз в лотерее. Но по ошибке. А потом придёт настоящий победитель и заберёт его. И я спешил жить, пока оно ещё тут. Насладиться блеском чужого богатства, по прихоти судьбы временно оказавшимся у меня.

Мы бродили по городу. И ели всякую вкуснятину в кафе или у киосков с мороженым. А потом забирались на какую-нибудь крышу – ведь есть же такие крыши, куда можно

подняться, – и целовались там как сумасшедшие. Она закрыла глаза, но всё равно, даже через опущенные веки, казалось, смотрела мне в самую душу.

И душа моя пела. В полный голос. Впервые в жизни. А руки её обнимали меня за шею, и гладили мои волосы, и щипали за торчащие уши. Как я стеснялся их когда-то! И она шептала и шептала мне в эти огромные уши:

– Какой ты необыкновенный. Я так люблю тебя.

И мне казалось, что это не только та девушка, но сама жизнь обнимает меня. И в те краткие мгновения, пока длился поцелуй, думал я, что всё возможно, что горы могу свернуть. И что весь мир принадлежит мне.

А потом она сказала, что скоро уезжает.

Она, как и я, была студенткой третьего курса. Хоть убейте, сейчас не вспомню, по какой специальности. Да это и неважно. И сейчас она уходила из института, чтобы отправиться в длинное путешествие.

– Мне никогда не нравилась эта учёба. Мама настояла, что надо поступить. А я тогда ещё не знала, чего хочу, не была уверена. Поэтому согласилась. Знаешь, мне ведь всегда всё легко давалось. Просто захочу, а оно как-то само собой складывается. И я решила, что и сейчас само собой сложится. А

потом я встретила их, моих друзей. Они собирали экспедицию. Это не просто поход. Если я почувствую, что это моё, по-настоящему моё, то можно посвятить этому всю жизнь! Да, это будет непростая жизнь, но какая счастливая!

Мы стояли на крыше, я обнимал её за талию, дыша её волосами, с запахом шоколада, а она говорила, глядя вдаль, на огни ночного города. А глаза её сияли, как огни долгожданного поезда в метро, когда опаздываешь, а он наконец приближается к станции.

– Представляешь, мы поедем на поезде, долго-долго, почти неделю. А потом ещё день на автобусе, или попутках, а потом пешком, с рюкзаками, пока не дойдём до места. Там не будет домов, и машин, и метро тоже не будет. Но там будут звёзды! Мы разобьём лагерь. Так говорит наш командир. "Разобьём" ... Я так смеюсь всегда, когда слышу это выражение. Так и представляю, что мы приходим, а там этот лагерь из стекла. И мы его разбиваем. За что его так?!

Она заливалась смехом, болтая эту милую чушь. И сердце разбивалось в этот миг на тысячу осколков, как тот призрачный лагерь. А шоколад горчил. Наверно, от моих слёз, смешавшихся с её волосами.

Она уезжает... Так надолго! Это невозможно, это слишком даже для меня, привыкшего ждать.

– Поехали с нами! – вдруг обожгло надеждой, – Я поговорю с командиром, он тебя возьмёт, вот увидишь. Ты здоровый и сильный. И весёлый, и умный. Нам такие нужны.

Поехали!

Мысли бились в голове, наскაკивая друг на друга. Я – весёлый? Я – умный? Она меня с кем-то путает. Это не про меня. Я обыкновенный, средний парень. Звёзд с неба не хватаю. Но у меня налаженная жизнь. Я заканчиваю третий курс. Учёба скучноватая, но, в общем, ничего. И работа ждёт неплохая. У меня отдельная комната в родительской квартире. В отличие от большинства моих иногородних сокурсников, которые вынуждены жить в общежитии, по несколько человек в комнате. Как я всё это брошу и поеду куда-то?

Нет, тяжёлой работы я не боялся. И перспектива спать в палатке, рубить дрова и готовить на костре меня не пугала. Но мне страшно было оставить мой знакомый, хотя и скучный, мир и отправиться в неведомое. А вдруг мне там понравится, и я не смогу, или не захочу вернуться? Чем я буду заниматься? Куда пойду, по какой дороге?

Но ведь там, в далёком далеке, со мной будет эта необыкновенная девушка. И песни под гитару у костра. И новые, незнакомые пока, друзья. И звёзды... Что она говорила про звёзды во всё небо, когда на километры вокруг ни огонька?

Я не поехал. Не решился. То место, которое она мне предлагала занять, было велико для меня. Так мне тогда казалось. Слишком много приходилось оставлять ради чего-то неяс-

ного и туманного, как раннее утро в палатке у озера. Ничего, она съездит и вернётся. Полгода – не навсегда. Я подожду. А, может, ей там не понравится, и она вернётся уже через две-три недели? Ведь может такое быть? – уговаривал я сам себя. Но упрямые, горящие огнём глаза её почему-то говорили без слов, что так не будет.

Я провожал её на вокзал. Таким же ранним утром, как и тогда, когда мы познакомились. Мы спускались на эскалаторе метро. Мы встретились тут, на этом самом эскалаторе, всего две недели назад, а прошла, казалось, целая жизнь. Я нёс её огромный рюкзак. Как это она сама будет его тащить? Ведь она такая хрупкая. Но нет, она сильная. Она смогла взломать свой скучный удобный мир, и отправиться в неизведанное навстречу приключениям. А я не смог. Я буду ждать её тут. Ведь она вернётся, непременно вернётся! Надо только набраться терпения. А уж это я умею...

– Уважаемые пассажиры, занимайте обе стороны эскалатора!

Голос из громкоговорителя далёким эхом прорывался через тугой обруч, сдавивший грудь. Юные глаза незнакомой девушки с тревогой глядели на меня из-под задорной чёлки:

– Вам плохо? Вызвать скорую?

Худенькая, но сильная девичья рука заботливо придерживает

вала меня, готового вот-вот упасть, за локоть.

– Держитесь, сейчас доедем, там можно будет сесть на скамейку, и я позову дежурного!

А я медленно оседал, чтобы занять – уже навсегда – обе стороны эскалатора.